

Проявление групповых страхов в текстах сетевых дискуссий

Кузнецова Ю.М.

Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» Российской академии наук
(ФИЦ ИУ РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9380-4478>
e-mail: kuzjum@yandex.ru

Групповые страхи являются одной из форм переживания принадлежности к реальной или виртуальной общности. Они возникают в ответ на угрозу функционирования группы и отражают представления о конституирующих ее ценностях. Интерес к групповым страхам определяется их вкладом в межгрупповую дифференциацию, с одной стороны, и в динамику эмоциональных процессов в больших и малых социальных группах, а также социуме в целом, – с другой. В современных условиях основной средой проявления и распространения эмоций стало коммуникативное пространство социальных сетей. В настоящем исследовании использованы данные эмотивно-предикатного анализа, проведенного на материале текстов комментариев из дискуссий в сообществах социальной сети «ВКонтакте» г. Кургана за период с декабря 2020 г. по июнь 2022 г. По результатам проведенного анализа были определены некоторые типичные способы выражения страхов, атрибутируемых групповым субъектам участниками сетевых обсуждений в городских сообществах Кургана. Были также выявлены некоторые особенности каузации групповых страхов, отличающие их от индивидуальных. Предложен числовой показатель, позволяющий количественно выразить преобладание в текстах обсуждений страхов группового или индивидуального типа.

Ключевые слова: интеллектуальный анализ текста, эмотивно-предикатный анализ, сетевые дискуссии, групповой страх

Финансирование. Работа выполнена в рамках научной программы Национального центра физики и математики (направление № 9 «Искусственный интеллект и большие данные в технических, промышленных, природных и социальных системах»)

Для цитаты: Кузнецова Ю.М. Проявление групповых страхов в текстах групповых дискуссий // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024): сб. статей V международной научно-практической

конференции. 14–15 ноября 2024 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 494–508 с.

Введение

Групповые (коллективные) страхи являются эмоциональным выражением представлений членов общности об угрозах и рисках для ее существования и связанного с ним индивидуального и коллективного благополучия [8], [13], [14]. Актуализация проблематики групповых страхов отражает растущий общий интерес к эмоциональности за пределами индивидуальной жизни, проявляющийся, в частности, в возникновении новой дисциплины – социологии эмоций, которая предлагает свой взгляд на них как на существенную часть социальных взаимодействий, коллективного поведения, социальных структур, всей социальной жизни в целом [11].

Характеризующей особенностью групповых эмоций является их дуализм как индивидуально переживаемых состояний, которые, однако, порождаются не в собственной практике эмоционирующего индивида, а в жизнедеятельности общности, к которой он принадлежит: «группа становится частью индивида» и меняет его эмоции [1]. Сетевой дискурс, организованный по принципу построения и развития системы (квази)социальных связей, оказался идеальной для поддержания эмоционального обмена и эмоционального группирования средой, которая к тому же предоставляет исследователям широкий доступ к различным проявлениям эмоциональности индивидуального и коллективного характера [12]. В работе [4] на примере обиды дается портрет групповой эмоции как феномена сетевого дискурса: «Получается, что пользователь социальных сетей обижается не потому, что оскорбили или обидели именно его, а таким правом его как бы наделяет группа, к которой он принадлежит реально или виртуально. Групповая или социальная идентичность модифицирует сущностные характеристики обиды и превращает ее в коммуникативную практику, функционирующую в рамках дискурса новой эмоциональности...» Вместе с тем «единым жанрообразующим признаком для интернет-жанров является интенция к самопрезентации, выражению своих чувств, идентификации круга «своих» и «чужих»» [4, с. 150].

Страх является реакцией на существенно значимую для субъекта угрозу. Соответственно, помимо своих связей с процессами

межгрупповой дифференциации, групповые страхи в содержательном плане представляют интерес и с точки зрения изучения стоящих за ними групповых ценностей, признание которых становится основой для определения индивидом группы как «своей».

Практическая значимость исследований групповых страхов определяется такими задачами, как обнаружение сфер социально значимых угроз и уязвимостей; выявление для различных сегментов социума групп идентичности, сила переживания которой достаточна для того, чтобы реальные или воображаемые угрозы вызвали аффективную реакцию у идентифицирующих себя с этими группами людей; поиск возможностей управления деструктивными тенденциями спонтанного или целенаправленного распространения негативной эмоциональности в сетевом дискурсе [2], [7].

Настоящее исследование было предпринято с целью выявления типичных средств, с помощью которых в сетевом дискурсе выражается групповой субъект эмоции страха, и оценки особенностей атрибутирования страха групповым субъектам по сравнению с индивидуальными субъектами.

Методы

В исследовании применялся метод эмотивно-предикатного анализа, который позволяет в автоматическом режиме выявлять в текстах на русском языке речевые конструкции, описывающие определенную эмоциональную реакцию субъекта (экспериментера) на причину или предмет (каузатор / объект) такой реакции.

Инструмент автоматического эмотивного-предикатного анализа TITANIS определяет более 80 эмоциональных состояний, выражаемых с помощью глаголов приведения в эмоциональное состояние (*радоваться, пугать*) или возникновения эмоционального состояния (*любить, бояться*) [15]. Используемый метод ограничивает круг анализируемых текстовых конструкций только глагольным способом выражения эмоционального состояния, однако с точки зрения задач настоящего исследования обладает существенным преимуществом, поскольку позволяет проследживать связи упоминаемой в высказывании эмоции как с ее причиной / предметом, так и с экспериментером, что дает возможность выявить представления коммуникантов о страхах, атрибутируемых групповым экспериментерам, а далее – проследить закономерности предметной отнесенности групповых страхов.

Интерпретация данных, получаемых с помощью эмотивно-предикатного анализа, подразумевает различие между эмоцией как явлением собственной аффективной реальности, которое человек в качестве адресанта эмотивного высказывания может описать с той или иной степенью точности, с одной стороны, и, с другой стороны, представлением адресанта об эмоциональном состоянии другого человека или группы. Такое представление не имеет прямого соотношения с эмоциональной практикой упоминаемого в эмотивном высказывании субъекта, но является продуктом деятельности ментального моделирования адресанта. Это тем более справедливо по отношению к групповым экспериенцерам, поскольку упомянутое в работе [4] «как бы делегирование» адресанту функции выступления от имени группы с сообщением о переживаемых ею как единым субъектом каких-либо эмоциональных состояний можно понимать только метафорически [5].

Материалы

В качестве источника материала использовались тексты комментариев из дискуссий, размещенных на сайтах новостных сообществ социальной сети ВКонтакте г. Кургана за период с декабря 2020 г. по июнь 2022 г. вне зависимости от тематики, количества участников и объема дискуссий.

Результаты

Первая цель настоящего исследования заключалась в выявлении средств, которые могут служить маркерами принадлежности упоминаемых в сетевом общении страхов к типу групповых.

По итогам автоматического анализа дискуссий в городских сообществах г. Кургана всего было выделено 21 500 конструкций с глаголами эмоционального состояния и 3 700 конструкций с глаголами, выражающими эмоцию страха: *(по)бояться*, *(за/ис/на/пере)пугать(ся)*, *ужасать(ся)*.

Данные машинного анализа прошли процедуру дообработки с участием эксперта-психолингвиста. В соответствии с целями настоящего исследования из исходного корпуса высказываний, содержащих предикаты с семантикой страха, были исключены конструкции с незамещенной позицией каузатора / объекта или содержащие в позиции экспериенцера слова, не обозначающие людей или группы людей (*собачка испугалась больше вашего*;

поверхность боится царапин). Все оставшиеся текстовые конструкции были разделены на подкорпуса по признаку индивидуального (*я боюсь что-либо писать*) или группового (*люди боятся неопределенности*) субъекта эмоции страха. Ручная экспликация субъектов эмоционального состояния (в следующих примерах ниже они указаны в скобках) потребовалась в тех случаях, когда инструмент текстового анализа «не увидел» экспериенцера из-за отсутствия в высказывании соответствующих лексем: *потому что (мы) боимся поменять это все; (я) боюсь мама долго не выдержит*. Конструкции, не допускающие однозначного определения типа экспериенцера (*но бояться себя показать*), были также исключены из анализируемого текстового материала.

Отдельную проблему при изучении текстового выражения эмоций представляет влияние трансформирующих тональность модальностей: например, отрицания. Существует подход, построенный на правилах регулярного смещения при отрицании семантики эмотивных глаголов из одного класса в другой. Например, глаголы с исходной (словарной) позитивной семантикой дают при отрицании негативное значение, а отрицание при глаголах, исходно выражающих негативную эмоцию, дает семантику отсутствия эмоциональной реакции [9]. Практикой тонального анализа текста доказано, что учет такого влияния повышает точность результатов машинной обработки [3]. Однако для задачи качественного описания субъектной и предметной сторон фобического дискурса такие процедуры представляются избыточными, поскольку в негативном высказывании отрицается факт того, что субъект переживает страх перед чем-то, но не факт того, что страх вообще может вызываться этой причиной. В высказываниях «*я не боюсь критики*» или «*к счастью, настоящие мужчины еще есть на Земле, которые не боятся ответственности*» отражается представление адресантов о том, что критика или необходимость отвечать за свои поступки могут вызывать или, как правило, вызывают страх. С точки зрения задачи определения круга причин и предметов страха такие конструкции являются вполне информативными и поэтому не исключались из исследуемого текстового материала. Из тех же соображений к анализу привлекались конструкции вопросительные (*а что, благодарность люди тоже боятся выразить?*), условные (*если бы власть боялась нас*), побудительные (*так что бойтесь заразы,*

носите маски, здоровые люди!!!!) или со значением долженствования (*тех, кто гадят в лесах, нужно огромными штрафами пугать*), хотя они, строго говоря, не содержат информации о переживании субъектом чувства страха.

В исследуемом текстовом материале групповой субъект страха выражается с помощью следующих средств:

- множественное число личных местоимений: *а мы бояться за хлебушком сходить будем; и вы свои морды боитесь показывать; они аж от страха дрожат так бояться придуманного ковида;*
- определительные и отрицательные местоимения со значением безысключительности: *и все боятся, что хуже будет; каждый боится за себя; конкурентов сейчас никто не боится;*
- множественное число существительных: *а ведь больше всех мужики собак бояться!; забавно смотреть, как антипрививочники боятся новой вакцины; коммунальщики испугались предостережения;*
- собирательные существительные, обозначающие группы людей: *народ штрафов боится; а правительство не боится, что скоро народ перестанет терпеть и начнется бунт?; раньше молодёжь боялась осуждения старшего поколения; местная братва боится, я что после письма с постов полетят; я думаю опека боится туда ходить;*
- существительные в единственном числе в генеритивных [6] высказываниях: *собака кинется, если человек ее боится; а врач за свою жизнь бояться не должен; вы хозяин, у вас все горит и вы боитесь;* характерно сочетание с безысключительной лексикой: *в такой ситуации любой родитель напугается;*
- характеризующие людей прилагательные во множественном числе: *вот и ездят пьяные, ничего не боятся; потом вырастают в себе забитые и не общительные, боясь подойти к человеку, если кому друг помощь нужна;*
- множественное число местоимений и прилагательных с семантикой уподобления: *подобные ему всё-таки боятся за свои деяния ответить перед народом; такие, как Вы, боятся хоть что-то сделать, чтобы изменить ситуацию; такие пожизненного не боятся; наши боятся мирных жителей затронуть* и т. п.
- множественное число личных форм глагола (экспериментеры в скобках восстановлены экспертно): *(мы) боимся спать даже;*

(мы) боимся что бычок бросят; а просто (они) боятся опуститься на наш уровень; (они) боятся что будет теракт. При этом групповой экспериенцер может характеризоваться по принадлежности людей к определенной локации: *только в России прививки боятся больше чем болезни; странно, в Кургане боятся волков; во времена не приостановления пандемии один недалекий пропагандист в группах ВК пугал о 500 вызовов в сутки; по проживанию в некое определенное или неопределенное время: в СССР не боялись ни дети и не за детей; раньше ремня боялись* и т. п.;

- перечисление субъектов, образующих группу: *я напугалась, ребенок напугался; собаки лаем пугают людей и детей;*
- обозначение группы принадлежности с помощью конструкции «я / ты / он как ...», подразумевающей наличие общих для представителей группы качеств: *я как хозяин двух собак и ребенка очень боюсь встречи с такими группами агрессивно настроенных животных; или ты как блондинка боишься всего большого?*
- обозначение группы принадлежности с помощью конструкций, выражающих присоединение к позиции собеседника: *Ксения, я тоже боюсь лифтов и самолетов; я сама этой прививки боюсь панически; Светлана, я такого же мнения, я стала бояться старости* и т. п.

Технически наиболее сильным маркером группового экспериенцера в эмотивных высказываниях является множественное число глагола, он работает даже в тех случаях, когда позиция экспериенцера не заполнена. Однако среди перечисленных способов выражения группового субъекта страха имеется достаточное количество и таких, в которых эмотивный глагол употребляется в единственном числе, и для повышения качества распознавания групповых страхов такие случаи нужно учитывать. С точки зрения типологии субъектов группового страха описанные способы их обозначения в анализируемом текстовом материале отражают очень разные основы формирования общности. Конструируемые в сетевом общении группы сильно варьируют по степени своей реальности / виртуальности, определенности границ, величине, временной и пространственной локализации, личностной и социальной значимости и т. д. Одним из важных дифференцирующих признаков является отношение адресанта эмотивного высказывания к упоминаемым в них общностям как аут- или ингруппам, ср.:

*вы неприкасаемые, **вам** ли бояться полиции; сейчас **люди** больше боятся не бандитов, а доблестную полицию.*

Для анализа предметного полюса эмоциональных реакций страха, описанных в анализируемых текстах сетевого общения, была проведена работа по эмпирической классификации причин страха. По итогам экспертной оценки семантической близости было сформировано 27 категорий слов или словосочетаний, выступающих в текстовых конструкциях в роли каузатора / объекта страха: «абстрактные страхи», «Бог», «действия»; «ЖКХ», «здоровье», «изменение», «инвективы», «интеллект», «информация», «иррациональные страхи», «катастрофы», «коммуникация», «люди», «медицина», «образование», «объекты», «отношения», «перцепция», «правопорядок», «природные явления», «семья», «события», «транспорт», «трудовая деятельность», «управление», «финансы», «эмоции». Количество уникальных именованных причин страха в разных категориях сильно варьирует: наиболее многочисленные из них относятся к категориям «люди», «объекты», «медицина», «отношения», «действия», «правопорядок» и «коммуникация».

В рамках большинства из описанных категорий были выделены более мелкие группировки, составившие подкатегории предметов страха. Например, в категории «катастрофы» выделены реальные чрезвычайные ситуации (*тоже боимся **пожара***), потенциально угрожающие факторы (***радиоактивность** пугает тех, кто о нем вообще ничего не знает*) и неопределенные угрозы (*пусть звонит родным чтобы не нервничали раз бояться **что-нить случится***). В категории «медицина» выделились группировки, получившие условные названия: «учреждения» (*люди боятся попасть в эту **больницу***), «акторы» (***медики** в своей глупой форме пугают пострадавших*), «взаимодействие» (*уже боятся на приеме что-то **спросить***), «лечение» (*антибиотики они себе не боятся **колоть***), «пандемия» (*мама с бабушкой очень боялись **ковида***), «антипандемийные мероприятия» (*(нас) пугали **изоляцией** всего подъезда*), «вакцинация» (*все так боятся этой **прививки**, как огня*). В то же время такие категории, как «Бог» (*ужас, люди **Бога** не боятся*), «абстрактные страхи» (*все боятся этих **мест** как огня*), «иррациональные страхи» (*скоро **кошек черных** бояться начнут*) и «инвективы» (*мы взрослые эту **дрянь** боимся*) не потребовали разбиения

на подкатегории. Приведенные примеры свидетельствуют о сугубо эмпирическом подходе к классификации, основанном на формирующемся у эксперта в процессе работы с конкретным материалом представлении о значимости для коммуникантов той или иной стороны реальности как объекта угроз. В качестве объективных признаков значимости выступает количество и степень разнообразия относящейся к ней лексики и частотность встречаемости такой лексики в высказываниях с семантикой страха. Вопрос о возможности применения полученной в настоящем исследовании номенклатуры причин страха для описания групповых страхов, выраженных в ином текстовом материале, или для исследования текстовой представленности других эмоций требует специального рассмотрения.

С помощью вычисления границы верхнего квартиля показателей частотности выявлены страхи, упоминаемые в анализируемых текстах статистически чаще остальных. Например, страхи, вызываемые причинами из категории «люди», при общем $\bar{x} = 116$ имеют частотность 492, а из категории «объекты» – 491. Наиболее частотные причины страха были определены также отдельно для подкорпусов высказываний с индивидуальными и групповыми экспериенцерами. Затем для каждой из высокочастотных подкатегорий было посчитано отношение частоты встречаемости в подкорпусе с групповыми экспериенцерами к частоте в подкорпусе с индивидуальными экспериенцерами. Полученный показатель позволяет оценить, насколько чаще атрибутируются причины страха из соответствующей подкатегории групповым субъектам по сравнению с индивидуальными, поэтому он был назван «коэффициентом групповости» (КГ) страхов. При КГ близком к 1 – определенный страх примерно одинаково часто приписывается как индивидуальным, так и групповым экспериенцерам; $КГ > 1,5$ определяется для страхов, которые чаще упоминаются в связи с групповыми субъектами, $КГ < 0,5$ – для страхов, чаще приписываемых индивидуальным субъектам. Иначе говоря, КГ выражает преимущественно групповой или индивидуальный характер того или иного страха в числовом виде.

В табл. приведены выборочные данные о результатах вычисления КГ для таких подкатегорий предметов страха, которые являются высокочастотными для одного из типов страха, в то время как для другого типа их частотность ниже границы третьего квартиля.

Таблица

**Страхи, атрибутируемые в сетевой коммуникации
групповым и индивидуальным экспериенцерам**

	Преимущественно групповой субъект	КГ	Преимущественно индивидуальный субъект	КГ
Категория «информация»				
1.	<u>недостоверная:</u> <i>большинство и так напугано байками о прививке</i>	5,00		
Категория «управление»				
2.	<u>реакция общества:</u> <i>правители боятся, что будет переворот власти</i>	4,71		
Категория «изменение»				
3.	<u>изменение вообще:</u> <i>перемен боятся те, кто не уверен в себе</i>	3,60		
Категория «финансы»				
3.	<u>снижение уровня потребления:</u> <i>сейчас все ломанутся скупать технику, боясь ещё большего повышения цен</i>	3,14		
Категория «трудовая деятельность»				
4.	<u>риски работника:</u> <i>все боятся быть уволенными</i>	2,71		
Категория «правопорядок»				
5.	<u>полиция:</u> <i>дети боятся полиции</i>	2,33		
Категория «отношения»				
6.	<u>разоблачение:</u> <i>мальчики, возможно, боятся признаться</i>	2,14	<u>утрата статуса:</u> <i>боюсь показаться невеждой</i>	0,50
Категория «действия»				
7.	<u>предметные:</u> <i>понятно, что боятся открывать двери</i>	2,00	<u>отрицательный результат:</u> <i>Антон, проблематично, боюсь сам не смогу</i>	0,41
Категория «семья»				
8.			<u>нарушенные отношения:</u> <i>автор боится дочь без папы оставить</i>	0,43

	Преимущественно групповой субъект	КГ	Преимущественно индивидуальный субъект	КГ
Категория «эмоции»				
9.			<u>приведение в состояние:</u> <i>боюсь вас обидеть</i>	0,18
Категория «коммуникация»				
10.			<u>коммуникация вообще:</u> <i>ребёнок боится сказать</i>	0,16

Те случаи, в которых причины страха, попадающие в разряд высокочастотных для обоих типов экспериенцеров, принадлежат к разным подкатегориям одной и той же категории (строки 6 и 7 табл. 1), хорошо демонстрируют общую логику различий между индивидуальными и групповыми страхами. Так, в основе страха из категории «отношения», преимущественно атрибутируемого групповым экспериенцерам, лежит угроза того, что скрываемая по каким-то причинам информация будет разглашена вопреки желанию субъекта и с негативными последствиями для него. Частотная причина страха из этой же категории, но характерная для индивидуальных экспериенцеров, заключается в возможности «утраты лица», то есть в данном случае речь идет об угрозе прежде всего самооценке, а не об ожидаемых социальных санкциях. Похожим образом соотносятся и причины страха из категории «действия»: групповым субъектам атрибутируются опасения, связанные с самим совершением действия, а индивидуальным – с возможностью получить отрицательный результат, что содержит угрозу самооценке действующего или планирующего действовать субъекта.

Страхи, связанные с нарушениями отношений в семье или с возможностью оказания негативного эмоционального воздействия, а также со сферой коммуникации как таковой (строки 8–10), конструируются адресантами как переживания интимные, в меньшей степени подразумевающие их разделенность с какой-либо группой. По контрасту с этим угрозы, связанные с дезинформацией, недовольством действиями социальных оппонентов (органов правопорядка для «народа», политических активистов – для «властей»), снижением уровня жизни и общего ощущения уверенности и безопасности (строки 1–5), по представлениям участников сетевой коммуникации актуализируют групповые формы совладания, подразумевающие

использование принадлежности экспериенцера к общности в качестве психологического или поведенческого ресурса.

Сказанное, как представляется, распространяется не только на конструируемые в сетевой коммуникации интруппы (*испугались у нас морозов и метелей, как же!; напугали Русских санкциями и ценами!*), но и на аутгруппы, принадлежность к которым, с одной стороны, ресурсна для их представителей (*да, (они) ничего не боятся, ни уголовки ни народного гнева, а все потому что прокуратура с ними*), а с другой – мыслится как общая для членов чужой группы уязвимость, что для адресанта является позитивным моментом (*мошенники боятся видеосвязи; смерти эти подонки боятся*).

Заключение

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о том, что групповые страхи имеют заметную представленность в обыденной сетевой коммуникации, что открывает перспективы для совершенствования средств мониторинга, направленных на диагностику общего эмоционального состояния коммуникантов и особенно его негативной компоненты. Метод эмотивно-предикатного анализа, применяемый к контенту средств массовой коммуникации, обеспечивает получение текстового материала, который можно использовать для формирования более дифференцированных представлений о разновидностях страхов, например, актуальных, уже прожитых или предвосхищаемых, атрибутируемых ин- и аутгруппам, а также группам реально существующим и виртуальным.

Литература

1. *Аванская В.А.* Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 43–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-3-43-60
2. *Бакиштова Е.В.* Консенсуальные игры в сетевых войнах и феномен импланта // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. Вып. 4. С. 393–399. DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-4-393-399
3. *Болтачева Е.Р., Никитина С.А.* О некоторых подходах к решению задачи классификации текстов по тональности на примере анализа англоязычных отзывов // Вестник кибернетики. 2022. № 2 (46). С. 14–19.

4. *Кошкарлова Н.Н., Яковлева Е.М.* Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152. DOI: 10.26170/pl19-05-15
5. *Кузнецова Ю.М.* Психологическая интерпретация я- и мы-субъектности эмотивных конструкций по данным эмотивно-каузативного анализа сетевых дискуссий // Организационная психолингвистика. 2023. № 2 (22). С. 9–29.
6. *Кузнецова Ю.М.* Реакция пользователей социальных сетей на свержобобщение // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2023): сб. статей IV международной научно-практической конференции. 16–17 ноября 2023 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 493–504.
7. *Кукса Т.Л.* «Страшилки» для рожениц: конструирование и преодоление страха в родах // Фольклор и антропология города. 2020. Т. III (1–2). С. 166–187. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-166-187
8. *Нестик Т.А.* Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / под ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 213–225.
9. *Никитина Е.Н., Опитенко Н.К.* Синтаксис и семантика эмотивных глаголов (к проблеме лингвистической интерпретации текстов, написанных авторами с психическими расстройствами) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 109–130. DOI: 10.17223/19986645/79/6
10. *Нуркова В.В.* Культурное развитие эмпатии-отождествления и эмпатии-моделирования // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С. 3–17. DOI: 10.11621/npj.2020.0401
11. *Симонова О.А.* Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Социология. 2016. Вып. 4. С. 12–27. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.401
12. *Ashokkumar A., Pennebaker J.W.* Tracking group identity through natural language within groups // PNAS Nexus. 2022. Vol. 1. No. 2. P. 1–9. DOI: 10.1093/pnasnexus/pgac022
13. *Huang T.Y., Souitaris V., Barsade S.G.* Which matters more? Group fear versus hope in entrepreneurial escalation of commitment // Strategic Management Journal. 2019. № 4 (11). DOI: 10.1002/smj.3051
14. *Riand R., Antigny C., Schom A.-C.* Group fears, fears of the group: Resistance to the group psychoanalytic approach in institutions // Cliniques. 2019. № 18. P. 40–56.

15. *Smirnov I., Stankevich M., Kuznetsova Yu., Suvorova M., Larionov D., Nikitina E., Savelov M., Grigoriev O.* TITANIS: A tool for intelligent text analysis in social media. // S.M. Kovalev, S.O. Kuznetsov, A.I. Panov (eds.) Artificial Intelligence. RCAI 2021. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Cham, 2021. Vol. 12948. P. 232–247. DOI: 10.1007/978-3-030-86855-0_16.

Информация об авторе

Кузнецова Юлия Михайловна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного учреждения «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук» (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9380-4478>, e-mail: kuzjum@yandex.ru

Textual Manifestation of Group Fears in Network Discussions

Yulia M. Kuznetsova

Federal Research Center “Computer Science and Control”
of Russian Academy of Sciences (FRC CSC RAS), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9380-4478>
e-mail: kuzjum@yandex.ru

Group fear is a form of belonging to a real or virtual community. The group fear is caused by a threat of group disorder and follows from the values that establish the particular community. Interest in group fears is determined primarily by their contribution to intergroup differentiation, on the one hand, and to the emotional dynamics in large and small social groups, and society as a whole, on the other hand. Presently, the communicative space of social networks has become the main medium for the manifestation and spread of emotions. In this study, the data of the emotive-predicate analysis of comments from discussions in VKontakte communities of Kurgan the from December 2020 to June 2022 were used. The analysis revealed some typical ways of expressing fears that attributed to group subjects in discussions in network communities of Kurgan. Some features of the group fears causation in comparison with individual fears causation were also identified. A numerical index is proposed for quantifying the predominance of group or individual type fears in texts.

Keywords: text mining, emotive-predicate analysis, network discussions, group fear

Funding. This study was conducted within the framework of the scientific program of the National Center for Physics and Mathematics (section № 9 «Artificial intelligence and big data in technical, industrial, natural and social systems»)

For citation: Kuznetsova Yu.M. Textual manifestation of group fears in network discussions // *Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2024): Collection of Articles of the V International Scientific and Practical Conference. November 14–15, 2024 / V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova (Eds).* Moscow: Publishing house MSUPE, 2024. 494–508 p. (In Russ., abstr. in Engl.).

Information about the author

Yulia M. Kuznetsova, Ph.D. in psychology, senior researcher in Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences (FRC CSC RAS), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9380-4478>, e-mail: kuzjum@yandex.ru